

A romantic couple is shown in profile, facing each other and nearly kissing. The man has dark, curly hair with small blue flowers tucked into it. The woman has long, light brown hair with a crown of blue and white flowers. They are set against a soft-focus background of a mountain valley with a dirt road, wooden houses, and a forest. The overall color palette is soft and natural, with greens, blues, and earthy tones.

Светлана Бойко

A silhouette of a deer with large antlers, standing and facing left.

НЕЗАБУДКИ
для УЛИНКИ

Светлана Бойко

Незабудки для Улинки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72718339

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесные уголья егеря Илая забредает олень-чужак и, ступив на ковер из незабудок, превращается в юного цыгана.

Оборотень Лачо рассказывает: его прокляла мать за то, что посмел влюбиться в деревенскую девушку. Цыган признается, что животная сущность в нем начинает побеждать человеческую натуру, и он думает навсегда остаться оленем и больше не искать незабудки, чтобы снова стать человеком.

Егерь же понимает, что знает девушку, которую полюбил цыган. Илаю предстоит решить – вмешаться в чужие судьбы, которые жизнь снова сводит в одном месте, или оставить все как есть.

Содержание

Илай	4
Лачо	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Светлана Бойко

Незабудки для Улинки

Илай

Деревянные перекладины грубо сколоченной лестницы скрипели под тяжелыми шагами егеря Илая. В который раз он поднимался на свой наблюдательный пункт в самом сердце леса, и в который раз он думал, что лестницу пора бы проверить и перекладины, кои наметились трещинами, заменить, а то так и до беды недалеко. Как упадет со своей засидки на старом дереве, так никто и не найдет – ни жены, ни детей у Илая к сорока годам так и не сложилось. Иногда эти мысли кололи грустью прямо в сердце, но потом отпускало, потому как жизнь отшельника Илая устраивала – всегда было полно забот, которые заглушали думы о материях, что человек – существо социальное.

Прочный настил лабаза на древнем дубе принял шаги егеря как старого друга. Илай устроился на продавленном сиденье уставшего стула, взял в руки верную зрительную трубу и стал ждать.

Несколько дней назад, обходя свои лесные уголья, егерю показалось, что он видел нечто странное и малообъяснимое. Сначала он подумал – показалось, мало ли что в лесу приви-

дится – любил лес поиграть с добрым приятелем, то в тумане заблудить, то звуками разными озадачить: то ли медведь рядом забурчал, то ли камни с далеких гор покатались. Потом это нечто малообъяснимое снова мелькнуло в линзах верной трубы. Присмотрев место, Илай сходил проверить, искал следы. И нашел: явные отпечатки оленьих копыт и смятая чем-то тяжелым полянка незабудок. Вот только следы оленя почему-то в полянке терялись, как и не было их, будто животное появлялось только за пределами незабудкового круга, а потом раз – и нет его.

Олени у егеря все были учтены и записаны в книгах. Илай наперечет знал, сколько самцов и сколько самок в стаде бегает в лесу, где они прячутся, где пасутся, где играют и учат молодняк ловко скакать меж деревьев, уходя от погони диким зверьем. И вот что странно, помимо всего остального: в эти края олени не заходили, по крайней мере, на памяти Илая таких историй не случалось. И по всему выходило, что так близко к человеку пожаловал или неучтенный олень, или больной. В обоих случаях он представлял опасность для учтенного стада, и с ним следовало разобраться. Но сначала надо поймать.

Припомнив, что олени любят соль, егерь решил приманить чужака на минеральное лакомство. Учтенное стадо обычно добывало витамины себе само, и только когда Илай наведывался на территории стада, внести в книги новых оле-

нят, привозил им и куски соли. Но как назло, дома деревянный сундук оказался пуст, Илай свез все в последний поход этой весной, а нового запаса сделать еще не успел.

Пришлось ехать в горную деревню, к сольнякам, так себя называли добытчики соли из местной горы, которая возвышалась над их каменными серыми домами. Лето выдалось дождливым, дороги постоянно размывало, и слабое солнце, так и не набравшее силу к середине июля, не успевало дороги подсушить, но очень старалось, отчего деревню, лес и низины гор окутывал тяжелый сизый туман.

Небо медленно заволакивало серыми тучами, обещавшие очередной заряд дождя до самой ночи, а может, и до самого утра.

Остановив у соляной лавки гнедого Клена с грязными по колено ногами, Илай легко спешился прямо в растоптанную грязь, что она сразу пристала к обуви. Накинув повод на коновязь и кое-как отряхнув подошву высоких сапог, Илай вошел в лавку.

Тихо звякнул звоночек, тронутый тяжелой дверью. Но незнакомая девушка за дубовым отполированным временем и руками прилавком даже не обернулась, словно не услышала.

Стоя спиной к входу, она медленно что-то доставала из коробки перед собой и выставляла это на полки витрины позади прилавка. Наскоро собранные рыже-русые волосы незнакомки цепко удерживала россыпь незабудок. Илай при-

смотрелся, удивляясь, как это нежные цветки так крепко держат густые, тяжелые локоны, а потом заметил зубцы гребня и понял, что это не настоящие незабудки, а искусно сделанная заколка.

Глубоко утонув в своих мыслях, девушка поднесла очередной мешочек к полке, но промахнулась, и кулек упал на пол, рассыпав то, что хранил внутри.

Вздрогнув, девушка как очнулась и прошептала:

– Ах, неужели к беде...

Обернувшись в поисках веника, она увидела Илая.

– В наших краях просыпанная соль – к встрече, – улыбнулся егерь совсем юной девушке.

С опаской в пронзительных зеленых глазах она улыбнулась, забыв про веник:

– Вы что-то хотели?

– Мне бы соли, – ответил Илай, не в силах оторвать взгляд от ее малахитовых глаз, в которых таилась глубокая безнадежная тоска.

Он не мог даже объяснить, как понял об этом, но все в тонком стане, в улыбке, в синеве под малахитом и изгибе русских бровей говорило, что с девушкой случилась печаль, и она никак не может ее пережить или принять, и думала, боролась с этим в своей душе каждую минуту, даже прямо сейчас.

Опаска же в глазах девушки Илая задела, он и не думал, что за его шуренным взглядом под густыми бровями и доб-

родушной улыбкой, которая правда пряталась в бороде, он может представлять опасность. Себя Илай считал добродушным человеком, с которым всегда приятно поболтать. По крайней мере, заезжая в деревни вокруг лестных угодий, он всегда с интересом обсуждал насущные темы про покос, урожай, ленивый скот и погоду, которая в их местах была хоть и привычной, но все равно вызывающей споры от сезона к сезону.

А потом Илай подумал, что девушка тут, наверное, недавно вот и испугалась неизвестного бородача в грязных сапогах, в серо-зеленой накидке и с мешковатым рюкзаком за спиной, был бы топор в руках – настоящий дровосек, а так пойми кто он, местный или кто.

Улыбнувшись как можно дружелюбнее, Илай уточнил:
– Мне побольше кусочек, для животного.

Девушка кивнула, дернув губами к подобию улыбки, и показала рукой на огромный деревянный короб:

– Там посмотрите, там не колотая. По весу цену скажу.

Илай благодарно кивнул, подошел к коробу, откинул крышку и присвистнул, увидев огромные острые куски молочной соли. Решив взять сразу про запас, он стал выбирать куски, какие сможет увезти. Твердая, тяжелая соль частичками сразу проникла и зашипала в мелких ранках на руках егеря.

«Интересно, откуда сольняк взял помощницу? Точно не было ее с месяц назад и раньше...»

Не удержав любопытства, егерь спросил:

– А ты кем Дармиону приходишься? Раньше я тебя тут не видал.

Девушка снова вздрогнула, с удивлением посмотрев грустными глазами на покупателя, будто видела его сейчас впервые.

«Забыла, что ли, что в лавку посетитель зашел? Странная какая-то...»

– Племянница я ему, – тихо ответила девушка, и, отвернувшись, стала снова расставлять на полки витрины мешочки и склянки.

Выбрав несколько кусков белой соли, Илай принес их к прилавку, к старым железным весам. Он клал тяжелые соляные камни, а девушка считала их цену.

– Сто восемьдесят серебряных, – огласила девушка вердикт.

Илай кивнул и полез в карман за кошельком.

Дверь в лавку резко распахнулась от привычного пинка:

– О, здоров, Илай! Какими к нам?

В три шага к прилавку подошел главный сольняк деревни и хозяин лавки – Дармион. Он пожал протянутую ладонь егеря могучей рукой. Дармион Илаю нравился. Сильный, всегда сосредоточенный, седой от жизни и соли мужик, он легко вскидывал тяжелую кирку, и так же легко погружал ее в соляную гору, откалывая огромные куски. Никто не умел так с горным инструментом обращаться. Дармион всегда знал,

чем и как у горы кусочек соли взять. И всегда благодарил в конце работы гору за ее дары, говоря, что без благодарности ничего не должно оставаться.

– Улинка, – устало посмотрел Дармион на девушку, – собери голод утолить, устал с дороги. Размыло все, грязь одна, еле выбрались, на серпантине чуть с горы не сползли, подмыло.

Кротко кивнув, девушка скрылась в комнатке за неприметной дверкой, аккуратно за коробом, в котором Илай выуживал соль.

– За солью приехал, что ль? – спросил Дармион у Илая, завидев куски на прилавке. – Что-то рано ты, обычно позднее, по осени.

– Да олень-чужак забрел, хочу на соль приманить, посмотреть, что за особь. А у самого соль, как назло, кончилась, – бесхитростно ответил Илай. И снова не удержался: – А давно ль у тебя племянница появилась?

– Ой, – устало махнул рукой Дармион, как если бы от девушки у него были одни проблемы, но спохватился тут же: – Нет, она девчонка толковая, послушная, работающая, заботливая. Вон в лавке какой порядок мне навела, и продажи пошли, как за прилавок встала. Я-то сам – то на добыче, то тут. Так что она прям на подхвате вовремя. Да только что у нее в голове? Брат ко мне ее привез, сказал – от беды уберечь. А от какой беды не сказал да уехал обратно. А она сама себе на уме. Нет, все, что скажу, то сделает, но что думает, то не

скажу. А лицо умное, грустное только. Может, там с отцом в чем-то не согласилась, Брагон у меня лихой на спор. Может, и любовное что-то, девке-то семнадцать уже. Да это все мои домыслы, что там случилось, я не знаю. Она не расскажет, может, боится, а может, не хочет. А я не лезу ейно в душу. Работает хорошо и ладно, готовит вкусно, я вон в ремне дырку сменил, – глухо хохотнул Дармион. – Давай, что там с солью? Посчитали уже?

– Ага, сто восемьдесят серебряных.

– За сто пятьдесят бери, – твердо кивнул Дармион.

– Ну спасибо, друг, – пожал сольняку руку Илай. – По осени еще заеду, закуплюсь.

– Добро.

Дверь за коробом приотворилась и оттуда тенью появилась Улинка, неся поднос с вареным мясом, овощами, ломтями еще горячего хлеба и кувшином чего-то ягодно-ароматного.

– Спасибо, – чуть поклонился Илай и вышел из лавки не мешать трапезе.

Как вышел, так и столкнулся с карими глазами, от которых до сих пор сердце сначала замирало, потом нервно вздрагивало, а следом начинало стучать чаще обычного.

– Здравствуй, Илай. Ты рано за солью, – повторила слова сольняка хозяйка пронзительного взгляда, от которого тело забывало, как дышать. До сих пор.

Ее губ лишь коснулась нежная улыбка – Илай знал: только ему она так улыбалась.

– Здравствуй, Анна. Олень-чужак забрел, приманить хочу, – повторил историю Илай.

– Интересно, откуда? Далече до наших краев прийти, откуда то ни было. А у тебя в книгах-то поди все точно? – задумалась Анна, удобнее подхватив тяжелую корзину, полную овощей и зелени.

– Точно, – кивнул Илай и хитро сощурил темные глаза: – Приманю, обязательно спрошу, откуда пришел.

Анна не сдержала улыбку, а Илай не мог насмотреться в любимые глаза.

– Потом расскажи, при случае. Пора мне.

– Расскажу.

Моргнув по-особенному и дольше положенного посмотрев на Илая, Анна пошла домой, к детям и мужу.

Илай не обернулся, сохранив в памяти ее взгляд. Уложил соль в седельные сумки, отвязал Клена, вспрыгнул в жесткое седло, лихо развернул коня и пришпорил прочь от деревни, в свой лесной дом, в свою лесную берлогу, в свое лесное убежище.

Но вдруг натянул поводья, спокойно повернул жеребца обратно и поехал на другой конец деревни, к матери, проверить, как сама, как дом, всего ли хватает.

Фыркая от влажного тяжелого воздуха, Клен неспешно шагал по грязной дороге мимо серых каменных домов, от-

зываясь на легкие движения рук, кои в задумчивости передавал по поводу наездник.

А Илай думал об Анне. Он думал о ней всегда, когда приезжал в деревню по заботам или проведать мать, даже если саму Анну не встречал. Он ждал и боялся этих встреч. Но разочарование, что встреча не случилась, сначала остро колело, но быстро отпускало. А вот встречи оставляли испорченную рану, которая порой не заживала месяцами. Мать много раз предлагала ему помочь, дать нужные травы и совет, что сказать, прежде чем выпить, тогда станет Илаю легче. Но он всегда отказывался. Он не очень верил, что поможет смесь трав в таком непростом деле. Он верил, что справится сам, и каждый раз проигрывал в этой безмолвной борьбе, уползая в свое логово, уезжая глубоко в леса, и где-то там в тяжелой работе и условиях на грани оставлял свое разбитое сердце. Но вот беда, оно всегда возвращалось с ним. С рубцами поверх старых, со шрамами, но бьющееся ровно... Ровно до случайной встречи, как случилась сегодня. Была еще одна сторона: Илай не знал, как может быть иначе. Как может быть, что он не любит Анну? Вот он видит ее в деревне, скользит равнодушным взглядом и идет дальше по своим делам? А она провожает его тем самым взглядом?..

Они полюбили друг друга с легкого касания пальцев, со случайного взгляда и нечаянной улыбки. Полюбили так, что не вынести мысли о расставании. Потом чувства чуть схлынули, но будто еще сильнее укрепились, войдя в новый этап.

Они хотели пожениться, мечтали о большой семье, детях, сыновьях и обязательно дочке. Илай представлял, как будет знакомить сыновей с лесом, а дочке вырезать из дерева зайчика, лисичку и медвежонка. Пока же он мастерил для Анны браслеты, серьги и бусы, сам их окрашивал и потом не мог налюбоваться, как ей идет розовый цвет, такой же нежный и невинный, как румянец на ее щеках, когда она примеряла подарки.

Ему нравилось, как она прижималась к нему в объятиях, как он осторожно, словно боясь сломать, обхватывал ее за хрупкие плечи, а она прятала лицо на его груди, или как щекой прижималась там, где у него бухало сердце, и подолгу смотрела куда-то далеко, за лес, за горы, думая о чем-то своем. Илаю казалось, что ее хрупкая душа несет какой-то невыносимый груз, но какой она ему не говорила, а только сильнее прижималась, будто от этого ей делалось легче.

Она первая его поцеловала. В лесу под золотистой березой у заветного ручья, их ручья, путь до которого знали только они, их убежище, их тайна. Она потянулась, привстав на цыпочки, и жадно впиалась в его губы, касаясь колкой щетины своей нежной кожей. Илай до сих помнил ту нить, что пронзила его от мыслей до самых ступней, утопающих во влажной осенней земле; пронзила, напряглась и затрепетала, как дернутая струна. Как жадно он целовал ее в ответ, словно это был их не первый, а последний поцелуй. И есть только сейчас, это мгновение, чтобы успеть его запомнить, прочув-

ствовать и потом лишь вспоминать, преодолевая боль, когда струна замирала.

Дорожки меж домов пустовали. Жители разбрелись по домам, кто на обед, а кто ждать дождя, закончив с делами на воздухе.

Мать Илая – местная травница, жила в самом последнем доме деревни. Из трубы родного дома лениво валил дым – мать топила печь: мерзнет от сырости и неуверенного лета. Илай заехал прямо под высокий навес и там спешился; завел коня в стойло, снял седло, не зная, сколько проведет времени у матери, задал Клену сена и пошел в дом.

– Илай? Ты? – слышалось звонкий голос из комнаты по правой стене.

Илай снял грязные сапоги, сунул ноги в мягкие домашние валенки и глухо отозвался:

– Я.

– Анну встретил? – взволновался голос, как беспокоится мать, когда ее ребенка кто-то обидел.

«И как она догадывается?» – каждый раз удивлялся Илай.

А мать всегда по тону этого «Я» или «Здравствуй, мать» знает, встречал Илай Анну в деревне или нет.

По привычке пригибая голову – в лесном доме Илая потолки и проемы были низкие, дом маленький, чтобы дольше хранить тепло, – Илай вошел в главную комнату дома.

Мать сидела в кресле-качалке и что-то перебирала ловкими пальцами в маленькой плетеной корзине, утопающей

в мягких клетчатых складках шерстяного пледа. За черной кованой решеткой в зеве камина глухо трещали дрова. Но запах дерева и огня никак не мог перебить родной аромат свежесдобитого хлеба и терпкий шлейф сухого разнотравья, сладкого, мятного, цветочного, которым, казалось, пропиталось все в доме. В лесной хижине пахло иначе: деревом, травой и сыростью.

Уловив, что сын вошел в комнату, Ласья подняла на него белые глаза и улыбнулась.

Мать ослепла после пожара, который забрал у нее мужа, а у Илая отца. Дом всей деревней отстроили заново. Хороший получился, добротный, теплый.

От слепоты слух и руки у матери обострились. Она никогда не жаловалась, что потеряла глаза, и больше не может видеть лицо Илая, на котором отчетливо пролегал на лбу межбровей щемящая жалость к маленькой слепой старушке, что сейчас радостно ему улыбалась, повернув голову чуть вбок, чтобы слышать лучше и уловить, где стоит сын.

Пройдя ко второму креслу, Илай опустил в его знакомое мягкое нутро и посмотрел на мать:

– Как ты? Всего хватает? Дров нарубить? Воды нанести?

– Все-таки видел Анну, – пробормотала Ласья. – Все у меня есть, сынок. Дров с прошлого раза полна дровница, лето как-никак, хоть и скромное пока; воды в колодце полно, я ведрами не таскаю, не переживай. Еды достаточно. Так ты, может, голодный? У меня мясо осталось, овощи, хлеб в ночь.

– Не хочу, сиди. Проверю все и поеду, дела есть.

– Как в лесу?

– Хорошо, – улыбнулся Илай, и мать улыбнулась тоже, услышав его тон. – К ручью если спуститься, то теплее, незабудки коврами лес застелили, красиво так. Олень пришел, чужак, я за солью приехал, приманить хочу.

– Добро, Илая, добро, – бормотала в ответ Ласья, облокотившись головой на высокую спинку кресла и прикрыв слепые глаза.

Слушая грубый, хрипловатый голос сына, Ласья всегда успокаивалась. Он сейчас здесь, рядом. В ее памяти сын остался молодым юношей, которому слишком скоро, в восемнадцать лет, пришлось стать защитником их маленькой семьи. Потеряв глаза, она училась различать оттенки грусти и радости, раздражения и задумчивости. Когда-то она видела все это в молодых ярких глазах, полных любви и надежды, а теперь слышала в голосе. Правда, любовь и надежда из оттенков пропали. Появилась тоска и грусть, которые он не хотел убирать из своего сердца, как бы она не предлагала.

Она повернула голову в сторону кухни:

– Ты там возьми себе еды, мне приносят, а я съесть не успеваю, мне много не надо. А там мяса, овощей, зерна много.

– Ладно, мать, посмотрю, – кивнул Илай по привычке, поднялся и пошел проверять дом, дрова и воду, чтобы матери всего хватало.

К матери за советом и травмами ходила вся деревня: кому «обруч» давящий с головы снять, кому спину прогреть, кому из легких сырой кашель выгнать. За помощь Ласье оставляли корзины овощей, яблок и ягод, мешки с мукой, зерном и солью, в подвале Илай нашел тушки зайцев и мясо кабана. Действительно, матери столько не съесть.

Ласья вздрогнула из дремоты, заслышав шаги сына:

– Илай! Уходишь уже?

– Да, мать, поеду.

– Взял снеди?

Илай хмыкнул, уловив в голосе матери удивительное сочетание волнения, угрозы и заботы, что бы сын точно взял часть запасов.

– Взял, взял. Зайца, кабана, яблок, овощей и по мелочи там.

– Хорошо-хорошо, – обретая спокойствие в голосе, кивала Ласья. – Ну езжай, с добром.

Илай подошел, коснулся сморщенной тоненькой руки матери, – так он выражал свою любовь и нежность к старушке, – и пошел седлать Клена.

Седельные сумки еле вместили новые запасы, отяжелили седло, и Илай до входа в лес решил пройти пешком, опасаясь, что на скользкой грязной дороге Клена под весом поведет.

Дождь все-таки пришел и теперь сыпал нудной крапью, которая попадала за шиворот, вызывая неприятные мураш-

ки.

Расправив суконный шарф, чтобы не давать дождю добраться до шеи, и подняв выше ворот накидки, Илай быстрее пошел к заветному повороту из деревни, чтобы скорее скрыться в лесу.

Деревня словно вымерла, морось загнала всех по домам. Из труб валил дым, смешиваясь с дымкой, которая спускалась с гор. Дерзкий ветер своими порывами закручивал их в сумасшедшем танце, соединяя и превращая в плотную влажную вуаль, укрывающую всю деревню.

В тот день тоже шел дождь, такой же мелкий, выматывающий, но они его не замечали. Анна тянула Илая за руку, оборачивалась мокрым лицом, улыбалась и сияла счастьем – он только что сделал ей предложение, а она сразу же согласилась. Нужно было лишь получить благословение ее отца. Илай был с ним знаком, они пожимали друг другу руки крепкой хваткой, обозначающей намерения каждого: отца – защищать свою дочь от плохого, Илая – любовь и серьезные намерения сделать жизнь Анны счастливой. Анна же радовалась, что двое ее любимых мужчин ладили.

Но...

– За тебя? Замуж? Да кто ты такой?

В тот день ее отец бесновался, Анна плакала, а Илай ничего не понимал.

– Анна не пойдет за юнца без... без... За пустого юнца,

который не сможет ей ничего дать!

– Папа!

– Я смогу Анне дать все, что она пожелает!

– Да что ты можешь? Будешь, как твой отец охотой промышлять? Так тебя первый медведь сожрет. Или, может, в сольняки пойдешь, чтобы Анна сидела и ждала тебя, а ты потом весь просоленный ее детей травил? Не бывать этому!

– Папа! – Анна цеплялась своими тонкими ручками за огромный локоть отца, пытаясь не дать ему что-то сделать с Илаем. Но отец не слушал дочь, удерживал твердой рукой за собой, не давая ей броситься к возлюбленному.

– Есть у Анны жених, – не обращал внимания на крики дочери отец, – достойный, сильный. Он попросил ее руки, и я дал добро. Она пойдет за племянника мельника, тот вот наследником станет...

– Папа! – еще раз крикнула Анна, всхлипнула и прошептала: – Ты что, меня продал? Этому... этому... да как ты мог!

– Дочка, не продал, а будущее тебе обеспечил... А ты, – отец Анны повернулся к Илаю, – пшел отсюда. А к дочке моей приблизишься, убью – не побоюсь никого. Не порть Анне жизнь, если любишь. Не дашь ты ей ничего.

Илай пытался отстоять свои чувства и намерения, но отец Анны достал ружье, и разговор не получался. Большой и сильный хозяин своей дочери вытолкал тогда еще щуплого Илая и даже выстрелил вдогонку, чуть отведя ствол в сторону, предупреждая о серьезности своих угроз. Анна кричала,

плакала, но отец был неумолим. Anne он сказал то же самое:
– Если против моей воли пойдешь или вздумаешь чего, убью его. Знай. Любовь проходит, а жить тебе в этой деревне долго.

Но любовь не прошла. Вся деревня знала решительный нрав отца Анны, он словами просто так не бросался. Чтобы сохранить жизнь любимого, Анна вышла замуж уже за новоявленного владельца нескольких мельниц, а Илай не мог бросить мать и уехать – искать счастье в других местах, и выбрал стезю егеря при деревне, следить за равновесием популяции животных в неохотное время и прятать в лесу свое сердце.

Улыбка теперь редко приходила на его губы, спрятав их в жесткой темной бороде. Глаза превратились в прищур, которым он высматривал зверей в лесных угодьях. Но за внешней хмуростью и жестким цепким взглядом скрывалась раненая душа. И она никак не заживала.

Анна и Илай не клялись сохранить любовь. После того вечера они встречались разве что случайно, как сегодня, но каждый раз видели любовь в глазах другого, которая не прошла вопреки заветам отца Анны, а осталась такой же сильной и нежной в двух несчастных сердцах.

Солнце старалось, жаром проникая даже сквозь густую крону, и от духоты клонило в сон. Илай боролся с дремотой, скидывал голову и хватался за зрительную трубу, держашу-

юся кожаным ремнем за смуглую шею. Пальцы поглаживали привычные вмятины на кожаной обмотке, чтобы в мгновение поднести трубу к глазу. Стекла внутри медного корпуса слегка помутнели и от одного неудачного падения оцарапались, чудо, что не разбились. Давно бы пора сменить «напарницу», но Илай похожей по удобству и зоркости, несмотря на царапины, найти не мог и берег трубу теперь старательнее.

И вдруг все стихло. Будто все звуки леса на миг замолчали. Не шуршала листва от ветра, не трещали птицы на ветках, не скрипели стволы в недовольстве, не хрустели зайцы травой в низинках. Все замерло, словно испугалось чего-то и постаралось стать незаметным для чего-то неизвестного и оттого точно очень опасного. Уловив сквозь дрему тихую аномалию, егерь встрепенулся и вскинул к правому глазу трубу. У полянки незабудок никого не было. Кусок соли утопал в голубом ковре и торчал только острым краем, который иногда выхватывало игривое солнце.

И вдруг справа что-то мелькнуло. Егерь резко повернул голову с трубой у глаза. И не поверил линзам, а ну как искажают мир в своих царапинах и мутном налете? Подстроив стекла, Илай еще раз присмотрелся и... Увиденное его скорее озадачило, чем испугало. Почему он так странно идет?

Среди рыжих сосен, касаясь черным квадратиком носа папоротников, слегка покачиваясь в нетвердой походке, шел молодой олень. Острые ветвистые рога в паутинке каких-то травинок, казалось, были непривычны и тяжелы для неболь-

шой головы, и потому олень все время склонял голову. Коричневые с черными подпалинами бока тяжело раздувались от усталых шагов тонкими ногами по сосновым иголкам, которыми была усыпана узкая тропинка. Ягодки-глаза, какие не встретишь у оленей – пронзительного голубого цвета, что и незабудки на полянке, – были поддернуты лихорадочной пленкой. Вроде с виду обычный молодой олень, коих в егерском лесу было целое учтенное стадо, но этот словно в каком-то забытии направлялся напрямик к голубой полянке.

Дойдя до незабудкового круга, которое вдруг подсветило солнце, олень ступил маленькими копытами в мягкий голубой ворс и вмиг превратился в смуглого юношу с черными курчавыми волосами.

Егерь не верил своим глазам и продолжал смотреть. Тяжело дыша, парень склонил голову, будто привыкал к новому образу. Еще бы, минуту назад он был оленем на четырех ногах, а теперь стал человеком на двух ногах, к такому сразу и не привыкнешь.

Одернув грязную, некогда белую свободную рубаху, парень опустился прямо в незабудки, сел и прислонился спиной к шершавому стволу старого ясеня. Глубоко подышав, егерю было очень хорошо видно, как вздымалась худая грудь в разрезе рубахи, парень открыл глаза, которые, оказались такими же голубыми, как были у оленя и окружавших его сейчас незабудок. Солнце снова сыграло лучиком на куске соли, и молодой цыган, как решил Илай, поддался вперед

и осмотрелся. Коснувшись острого края тонким смуглым пальцем, он потер соляной кусок, а потом попробовал палец на вкус. И вдруг вскочил, стал оглядываться.

Егерь наблюдал за диковинным чудом. Нога затекла от неподвижного сидения, Илай попытался аккуратно ее переместить, но скрипнул предателем старый стул.

– Ах, черт! – выдохнул егерь, глянув себе под ноги, и снова вздернул трубу к глазу.

И встретился взглядом с парнем, который легко разглядел наблюдателя на древесной обзорной башне.

Долго они смотрели друг на друга. Оборотень совсем вроде и не боялся лесного человека. Сделал даже шаг вперед. Но как только голая ступня коснулась клевера за границей незабудок, цыган тут же обратился обратно в рогача, без чувств тяжело повалившись в папоротник.

Егерь замер, не решаясь двинуться. Пойти помочь или оставь чудо дикое, ведь не первый раз цыган приходит сюда?

Но олень не двигался. Илай вскочил со стула и присмотрелся, дышит ли? И вдруг схватил заплечный мешок, ружье, быстро спустился по натужно скрипящей лестнице и побежал к чуду.

Обойдя тушу, егерь заметил, что медленно и редко, но вздымается округлое коричневое пузо.

Решив, что с человеком говорить проще, а неучтенный олень в лесном стаде не по правилам, Илай задумался, как обратить сохатого обратно в человека. То, что это было диво

чудное, егерь быстро принял. Всякие истории слышал от деревенских знахарок, что приходили в его уголья за травами. Странная мысль вспыхнула в голове Илая, странная и лихая, и глупая, решил он, добавив к ней логики. Но попробовать стоило. Сорвав несколько цветков незабудок с поляны, егерь положил их на морду оленя.

И еле успел отскочить, потому как олень тут же обратился снова в цыганского юношу. Парень с минуту лежал и открыл глаза. Егерь попятился, вдруг испугавшись: а ну как обратно в оленя превратится и рогами проткнет. И непонятно было, разум человеческий уже или звериный остался от трех незабудок-то.

Цыган медленно повернул голову к цветам, протянул руку, коснулся незабудок, сжал кулак с цветками, перевернулся на колени и забрался обратно в голубые цветы, дополз до ясеня и, с виду ужасно устав, прислонился к стволу, как совсем недавно. Прикрыв глаза, парень пытался отдышаться. С видимым усилием подтянув к себе правую ногу в коротких, обнажающих крепкие смуглые икры штанах, он облокотился на колено рукой и откинул голову к стволу.

Илай рассматривал крепкого цыгана, теряясь в самых невероятных догадках: чего с ним могло приключиться, что судьба сделала из него молодого оленя? И что Илаю теперь делать с этим то ли зверем, то ли с несчастным бедолагой, которому нет ходу в обычную деревню, потому как убью как чудище? Сам Илай уважал всякое природное проявление,

главное – узнать его суть и причины, а так он не считал себя тем, кто будет спорить с природой, раз она так для своего существования решила. И потому сдавать молодого оборотня не собирался, пока сам не выяснит его натуры.

Цыган медленно выпрямил шею и открыл голубые глаза. Илай заметил, что левое ухо юноши в мочке было порвано, а на рубаше запеклись капли крови, будто выдрали силой серьгу или зацепился за что и сам дернул не заметивши.

– Спасибо, – хрипло сказал цыган. – Нельзя мне резко оборачиваться, забыл совсем как тебя увидал. Хорошо прячешься, я думал, здесь никого нет.

– Кто ты? – только и спросил егерь.

– Лачо, – сглотнув, ответил цыган, снова прикрыв глаза. Разговор давался ему тяжело.

– Почему ты... Как ты... – попытался составить сложный вопрос егерь.

Заметив, что смуглая кожа цыгана стала вдруг бледнеть, Илай положил на землю карабин, который все это время держал в руке, перекинул мешок вперед и достал медную флягу с травяным чаем, кусок хлеба, пару чищенных луковиц и морковный корень, который Илай приберегал для Клена.

– Держи, поешь, а то бледный какой-то.

Лачо открыл глаза, подпернутые предобморочной пеленой, и протянул руку к фляге. Перехватив обеими руками плоский сосуд, он жадно стал пить еще теплую горькую воду, в которой проскальзывали вкусы чабреца, зверобоя и крапи-

вы.

– Спасибо, – цыган грубо вытер рот рукавом и протянул флягу обратно егерю.

– Есть будешь? – спросил Илай, протягивая хлеб и овощи.

Лачо помотал головой:

– Спасибо, отдохну только и дальше пойду.

– А кем пойдешь? – осторожно спросил Илай.

Лачо долго посмотрел на егеря пронзительными голубыми глазами.

– Оленем, – ответил он, что-то решив про себя. – Ты сам видел, вне незабудок я могу быть только оленем. В него обращаюсь, им и пойду дальше.

– И куда пойдешь?

– Не знаю, искать следующий голубой остров. Ты мне поди не дашь рядом с этим обитать? – устало сверкнул белыми зубами в хитрой ухмылке цыган.

– Не дам, – согласился Илай. – У меня все олени учтены. Да ты и не совсем олень вроде. Расскажешь свою историю? Вдруг я помочь могу?

– Расскажу, если интересно. Да и устал один это в себе носить... – Лачо снова откинулся на дерево, внимательно посмотрев на егеря: – Как тебя звать?

– Илай я. Рассказывай. – Егерь достал из мешка плащовку, подстелил на влажную землю и сел поудобнее, готовый слушать сказку цыгана-оленя.

Вздыхнув, Лачо сглотнул и коснулся острого ребра соля-

ного куска.

– Ты принес? Вкусная. – Лачо погладил тонкими пальцами белый шершавый бок. – Меня прокляла мать. Наш табор уже долго был в пути. Мы направлялись в северные земли, где по слухам стоял табор Барона. Его дочь моя мать пророчила мне в жены. Я был не против, дочка Барона большого табора – заветная добыча. Остановились мы тогда у одной деревеньки на стану, самим отдохнуть, коням сил набраться, серебряных подзаработать...

Лачо

Пестрые цыганские юбки разноцветными волнами задавали праздничное настроение на весеннем субботнем базаре. Молодушки с черными локонами, звеня браслетами и сверкая золотом на зубах, сновали меж прилавков и палаток, распевая задорные песни и зазывая купить браслет-оберег, счастливую корзину из редкой бересты или предсказать судьбу, погнать черную тень и снять родовое проклятье, которое они, страшно ширя темные глаза, видели в каждом пришедшем ранним утром на ярмарку.

Я стоял у загона с двумя мохнатыми пегими коньками на продажу. Жеребчиков я вырастил и воспитал сам, и расставаться с ними мне было немного грустно, но знать об этом никому не стоило, и потому, ловя заинтересованные взгляды лениво прогуливающихся присматривающихся покупателей, я сердечно обещал каждому засмотревшемуся на мохнатые у широких копыт ноги, что это не просто лошади, а верные друзья и сильные помощники: и верхом домчат, и плуг по всему огороду проташат, и телегу груженную доvezут. Я честно рассказывал, что жеребчики эти от племенного жеребца, который дает самое крепкое потомство, какое не стыдно добрым людям с хорошей уступкой отдать.

Лихо облакачиваясь на грубо сколоченный загон, я пожевывал травинку, как делал мой отец, и подмигивал ярки-

ми голубыми глазами из-под кудрявой непослушной челки. Юные деревенские девушки к таким откровениям не привыкли, не выдерживали и, хихикая, быстро проходили мимо. А от их отцов и братьев я ловил обещания в злых прищурах, что только попадись я в закутке меж домов, там мне сразу объяснят, как стоит смотреть на местных девушек, то есть лучше – никак.

Так повторялось из деревни в деревню. Я правила знал и к девушкам не лез. Да и зачем мне, если табор в новом месте всего на пару дней: отдохнуть, сил набраться, сбросить балласт на базаре и дальше в путь, где меня уже ждала та, которой я буду мил. Так говорила мать, и я ей верил. А как матери, да еще и главной гадалке с пронзительным черным глазом не верить? Второй глаз, а точнее – дыру без него, мать скрывала под золотой повязкой. Плата, которую она отдала за свой дар.

Эта деревня ничем не отличалась от остальных, и я откровенно скучал. До земель Барона, чью дочь мать обещала мне в жены, было еще с месяц пути, и таких деревень лежало на карте еще пара десятков.

– Лачо, держи, мать передала! – Перед молодым мной возникла голубоглазая сестра Ляля – капля в каплю я, только с длинными, по самый пояс темными кудрявыми волосами. Она протягивала мне огромное зеленое яблоко. – Мать сказала съесть да с конями твоими разделить, тогда продажа пойдет хорошо.

– Спасибо, – кивнул я, забирая яблоко, и сразу откусил от него большой кусок. Сок от белой мякоти потек вокруг рта и закапал с подбородка.

– Лялька, пойдем, там у браслетов с серьгами девки местные собираются! Рубина не справляется. – Рядом возникла тень в капюшоне – моя средняя сестра Рада.

– Иду, – кивнула Ляля, с готовностью перебрасывая густые локоны с плеч в ярком расписном платке на спину.

Провожая сестер взглядом, я откусил от яблока еще кусок, что снова потек сладкий сок, да так и замер, не в силах отвести взгляда. Да и как тут отведешь, когда прямо к загону приближался настоящий ангел. Ангел с русо-золотыми волосами и пронзительными зелеными глазами. Однажды я видел малахит цвета листьев утреннего клевера в матовой пленке росы, вот точно такие глаза с жарким любопытством рассматривали все вокруг и тут же поражались всему, что видели. Прелестное создание в ажурном платье цвета топленого молока держалось грозного мужчины, что хмурил брови и не доверял всему миру. Особенно боялся он доверить свое сокровище и крепко держал его за руку, страшась отпустить в большой и жестокий мир.

Быстро рукавом вытерев рот, я разломил остатки яблока и дал своим коням – матери и ее силе верил.

Я не знал, что ищут эти двое – ангел и ее страж, но что-то мне в то мгновение подсказало – упускать их совершенно нельзя:

– Красивые кони! Сильны кони! Верные кони! Окраса такого вы еще не видели! Достойные кони! И довезут без усталы, и поле вспашут, только сей, и телегу дотащат без единого хлыста! Лучшие кони! Пятнистые кони!

– Пап, смотри! – глядя прямо в мое сердце, попалось на крючок ангельское создание. – И правда, пятнистые. Интересные какие!

А я замер, стараясь запомнить этот чудный мягкий голос, который коснулся моего сознания и растекся в нем золотым теплом.

– Пойдем, посмотрим! Я таких лошадей никогда не видела, – заморожено потянула девушка отца к загону с двумя моими пятнистыми.

Но отец жестко удержал дочь:

– Цыганские это лошади, обманные. Ничего не умеют, только пятнами выделяться. Не верь всему, что эти яркие люди плетут. Они со словами, как мы с нитками и пряжей, управляют. Опутают заблуждением и останешься ни с чем. Знаю, что говорю.

Но девушка не слушала отца. Она смотрела в мои голубые глаза, а я рассматривал ее малахит, и оба мы не в силах были отвести взгляда.

– Туда пойдем, к скобяной лавке Лумира, потолковать мне с ним надо.

– Да, папа, – только и проблеяла девушка, позволяя себя увести от самых голубых глаз, какие она только видела.

Мне оставалось только смотреть вслед ангелу с ее грозным стражем, пока они совсем не затерялись в толпе, и только тогда будто отмер, покачнулся на подкосившихся ногах и оперся на перила загона. Сердце гулко стучало в моей смуглой груди, мысли путались, натываясь на шелковистый голос, который еще звучал в ушах, а перед взором, словно зайчики после яркого солнца, стояли малахитовые глаза.

Не сразу я уловил, что теплеет до обжига серебряная серьга в левом ухе. Потер мочку, разогнал кровь, но металл продолжал прожигать теплом мою плоть. А потом и в сердце будто проник неуместный огонь. Не понимая напасти, я огляделся и наткнулся на черноту материнского глаза, что не моргая смотрел на меня из струящейся мимо нее толпы.

«Видела? Или не видела? И спрашивать – лучше не спрашивать, чтобы ответом не выдать себя», – думал я, лихо улыбаясь матери. Мать только кивнула мне и тут же затерялась среди людей.

Впервые мне захотелось вынуть из уха материнский подарок. Когда отца вместе с его добрым конем забрал лесной обрыв, я стал единственным мужчиной в семье. Конечно, весь табор был семьей. Но после гибели отца мать как-то строже стала относиться ко мне. Подарила серебряную серьгу в знак, что я единственный сын у нее и должен и себя беречь, и семью оберегать. И потому придумала, что нужно древние семьи объединить, чтобы укрепить защиту от чужаков, не

цыган то есть.

Со всей душой я тогда принял материнский наказ, во все глаза смотрел за сестрами, чтобы никто не обижал. Ясно видел свою роль в большом таборе и будущей жизни семьи.

Но сейчас, боясь, что мать заметит мои глаза, мне стало страшно. Страшно от вспыхнувшего в душе незнакомого и жаркого чувства. Страшно, что хотелось снять серьгу и посмотреть, успеть узнать, что есть еще за границами серебряного кольца. Что бывает, если не соглашаешься на выбор матери, а рискнуть довериться сердцу, которое манит новым желанием. Пережить его, ощутить, узнать, прочувствовать самым ядром сердца.

С глубины базара зазвучали скрипка и гитары. Я быстро взобрался на загон, выпрямился насколько позволял рост, удерживаясь ногами, и попытался увидеть, куда ушли малахитовые очи. Вглядываясь и вглядываясь в пестрое море около палатки, где сестры продавали яркие плетеные браслеты с камнями и деревом, я наконец-то заметил топлёное одеяние ангела. Девушка стояла рядом с отцом, но совершенно не скрывала любопытных глаз, рассматривающих яркие украшения – скобяной прилавок некоего Лумира оказался аккурат с палаткой моих сестер.

Я хорошо видел, как ангел рассматривает задорную игру таборских музыкантов, летящие цветастые юбки и шали, оглядывает свое простенькое платье и снова вспыхивает интересом к немножко страшной своей неизвестностью и ка-

кой-то дикой свободной, но такой яркой, громкой, живой и совершенно другой жизни.

– Эй, почему кони?

Взглянув вниз, я увидел старичка, пожевывавшего тонкими губами. Нехотя спустившись с ограды загона, я лучезарно заулыбался предполагаемому покупателю:

– Две тысячи серебряных за пару.

– Дорого, – буркнул дед.

Конечно дорого, я специально цену поднял, чтобы потом торгом снизить до нужной.

– Нигде таких цен не найдешь. Сам коней вырастил, сам обучил, преданней собаки служить будут.

– Мерина поди? – хмыкнул дед и вроде хотел уйти, но не уходил, стоял боком, оглядывал народ и возвращался взглядом за ответом.

– Не! Что ты! Молодые жеребцы, смешай со своей или соседской кобылой и будут у тебя жеребья крепче всех во деревни.

Дед расхохотался щербатым ртом и переступил, перехватив гладкую ручку кривой палки. Только сейчас я заметил, что старик держит трость, потому как левая нога криво-косо смотрела коленом сильно вбок. Мне тут же пришла догадка, что дед пришел поизмываться над цыганами, как это бывало в других деревнях: нас не любили и скрывать это даже не думали. И тут же разозлился на себя, что не раскусил обман в «предполагаемом покупателе».

Мое нахмурившееся от этих мыслей лицо вывело старика на новый виток смеха:

– Ох, складно врешь! Вот все вы, цыгане, сказки горазды рассказывать. А коль до дела дойдет, так и пыль от табора уже улеглась.

Мне стало обидно. Я не врал.

– Ладно, брови-то не хмурь так строго. Давай, правду говори и цену сбивай.

– А я правду и говорю, – буркнул я, оборачиваясь и глядя любопытные морды. – Сам вырастил, сам воспитал. Четырехлетки отменные. Шаг мягкий, на рот чуткие, силы немереной. Хошь, сам в зубы загляни, если покупать вздумал. О цене договоримся, если намерения серьезные.

– Ох ты ж, намерения! Чай, не девка – жениться, а коней на срок долгий брать в работу. Я вон, вишь, хожу через раз, да знаю не понаслышке, что попадаются среди цыганских коней верные помощники. А мне сейчас как раз нужна пара: поле пахать, картошку в телеге тянуть, меня возить. Я-то по молодости был знатным наездой, с любимым конем управлялся. Эх, ладно, потом повспоминаю. Конь у меня пал недавно, а без него несподручно мне хозяйство вести. Давай, я твоих посмотрю.

Пожав плечами, мол, мне скрывать нечего, я посторонился и пропустил дедка к коням. Несмотря на кривые ноги, старик лихо пролез сквозь ограду и огладил коней.

– Хороши, черно-белые, нравятся такие. Соседи, конечно,

коситься будут, но пока они коситься будут, мы уже все поле вспашем, да, красавец? – Дед похлопал по шее одного из коней и ловко поднял тому верхнюю розовую губу, открыв крепкие молодые еще светлые зубы. – Смотри-ка, не соврал, и правда четыре года. А ну-ка, второй.

Дед осмотрел другого коня и остался премного доволен.

– Так, а какой, говоришь, мягче в ходу? Я уж седло не кидаю, а покатаь зад охота, но чтобы мягко было.

– Этот, – с уверенностью кивнул я на правого коня.

Вообще, жеребцы были совершенно одинаковые, хоть и от разных кобыл, да от одного отца. Проточкины на мордах и пятна на плечах, пузе и крупе были практически сходные – не приметив особенностей, никогда не различишь.

– Имена им уже, поди, присвоил? – прищурился старик, глядя тянущиеся морды, которым он дал по куску моркови.

– Не. Считаю, что хозяину новому называть. А то имя дашь, от сердца совсем оторвать будет сложно.

– Верно говоришь. Ну ладно, добро. Давай за тысячу двести пару?

– Тысяча девятьсот.

– Тысяча триста.

– Тысяча восемьсот.

– Добро, – неожиданно согласился дед. – Но, пока ты тут, обучи-ка мягкого на спину трюку лежачему, чтобы мне сподручней было забираться.

Вздернув темные брови, я удивленно уставился на старика со странной просьбой.

– Что зыркаешь, не сможешь что ль? Ты ж говорил, как родных знаешь, обучил всему.

– Знаю. Обучил, – согласился я. – Ладно, старик, обучу. Будет прямо к ногам твоим укладываться, ты только ногу перекидывай, да за гриву держись.

– Ну вот и славно, – улыбнулся дед. – Как обучишь, так и заберу и денег принесу.

Тяжело опираясь на трость, старик медленно похромал дальше, а я не мог отделаться от чувства, что старый хохмач пошутил надо мной, чтобы коней занять и не продать за те дни, что табор встал у этой деревни. Я даже подумал, что стоит продать коней дешевле, но кому-то другому, но случайно пойманный разговор совсем рядом заставил задуматься, как обучить Черноушка ложиться. Да, я слукавил, сказав, что не давал жеребцам имен. Да как без имен, если воспитываешь с молодых копыт, душой проникаешься и доверие завоевываешь? Вот и стал один Черноушкой, потому как оба уха были у него черные, а второй Белоушкой, по тому же признаку.

А разговор я услышал такой:

– Опять старик Пиллу за свое, с цыганами якшается. Ты видала? У загона с пятнистыми терся... Неужто купить надумал этих мохнатых...

– Да поди он сам цыган в какой-то крови, вот и тянет его на них. Пойдем, увидишь, что опять притоптывает под

скрипку их колдовскую со слезами на глазах, что сам в пляс уже пойти не может.

– В пляс не может, а в полях всех пашет. Нет, точно он коней купить вздумал. Помнишь, были у него уже, а последний то мерин у него пал, так он сам пахал, а здоровье-то уже не то. Нет, точно он коней прикупит и будет опять деревня под цыганским проклятьем ходить. Пиллу весь урожай, а соседям шиш сморщенный. Помяни мое слово.

– Угу-угу. Пойдем, посмотрим, каких соблазнов на этот раз цветастые привезли. О, Брагон, и ты тут?

– Доброго дня.

Я вздрогнул и резко обернулся, потому как до этого стоял спиной к болтушкам, чтобы не выдавать интереса к местным сплетням. Но знакомый голос, который заставил сердце биться чаще, вынудил меня рассекретить свое подслушивание. Ангел со своим стражем стояли совсем рядом.

– Совсем народу ум затуманили, – глухо прогремел высокий широкий мужик, крепко держа ангела за руку. – К Лу-миру ходил, так он уже заказы у цыганских берет. Дурак! Не знает, что обманут, заберут готовое и фьют, в пыли дорожной растают.

Раньше бы я закипел, заяростился, не люблю, когда наговоры на мою семью почем зря разносят, но сейчас я не слушал, пусть говорит, главное, что она рядом стоит.

А она не просто стояла, она смотрела прямо мне в глаза. А я мог рассматривать белые прожилки в малахите ее взо-

ра. Удивительные глаза, опасные глаза, манящие глаза. Она улыбнулась, сузив берега вокруг малахитовых озер, и я улыбнулся в ответ настолько ярко, насколько мог, будто пытался через эту улыбку показать всего себя.

– Идем, дочка, неча тут делать.

И снова я провожал взглядом ангела в одеждах цвета топленого молока.

Но в этот раз ангел оборачивалась и рассматривала меня, будто старалась запомнить каждую черту такого нового, чужого, но почему-то волнующего юное, не искушенное яркостью и свободой сердце. Я видел этот интерес в ее глазах и смелых оборотах.

– Ай! – Серебряный металл обжег мое ухо. Я выпустил из взора ангела и, повернув голову налево, сразу споткнулся об горячий взгляд матери, в котором для меня не было ничего хорошего.

Собравшись вечером у высокого костра в круге кибиток и шатров, юные цыганки ловко готовили ужин на весь табор, мужчины толковали о своем, а женщины готовились ко второму дню ярмарки, подсчитывая прибыль с первого.

Моя мать долго вглядывалась в мои голубые глаза, пытаясь выяснить, почему кони еще едят овес табора, хотя должны быть проданы.

– Завтра коней заберут. Сторговался на тысячу восемьсот, попросил только старик ночь передержать, пока место двум готовит, – пояснил я почти чистой правдой.

– Ох, Лачо, когда ж ты свою наивность на волю отпустишь. Поиздевался над тобой месткач, а ты и поверил, – с досадой покачала головой мать. – Тебе Ляля яблоко не передала, сама съела?

– Передала я! Вгрызался Лачо в него, сама видела! Может, вообще, сам и съел.

– Все как велено, сделал. И не врал тот дед. Его странным считают в деревне, говорят, любит именно на наших конях поля полоть. А если, мать, не веришь, так погадай, и увидишь. А если ж обманул меня дед, то не знаю, поменяемся с сестрами: я пойду завтра браслеты девицам предлагать, а они пусть моих коней продают стоят.

– А ну! Советы мне раздавать вздумал. Но погадать, погадаю, – недобро прищурилась Зора. – Есть, что у судьбы спросить.

Где-то над лесом, который обрамлял с одной стороны деревню в долине пробухтел гром. Зора на этот звук резко обернулась:

– Не должно быть дождя. Не должны мы застрять здесь. Откуда дождь? Я же смотрела...

Подхватив юбки, мать быстро ушла в свой шатер.

– Не припомню мать в таком волнении, – протянула Рубина, моя старшая сестра. – Лачо, что уже натворил? Ты сейчас

центр судьбы семьи...

– Ничего я не натворил, – отмахнулся я и пошел к коням, надеясь, что тень за пределами костра спрячет от всех яркий румянец на моих щеках.

Что-то изменилось в наших судьбах, я тоже это почувствовал. И дождя с громом быть не должно, я сам видел, как мать раскладывала на путь, и был он ясен и чист. А теперь гроза. Гроза всегда приносит перемены, смывает следы, размывает границы, вымывает фальшь, освежает мысли или пускает ручей, преграждая дорогу, намекая, что лучше искать другой путь.

Дойдя до загона с пегими, я остановился в темноте. Сердце гулко стучало и нагоняло страх, что мать увидит мой новый интерес. Я сам его еще не понимал, но хотел понять, узнать, почувствовать. А мать могла вмиг отобрать такую возможность.

– Хоть бы дождь, – против воли пробормотал я и испугался сказанных слов. Но душа закричала: «Хоть бы дождь!»

Мне впервые очень хотелось задержаться в деревне. И не потому, что я хотел успеть Черноушка научить ложиться перед стариком, а потому что понял, что у меня внезапно появился последний шанс, да, я точно знал, что единственный и последний шанс узнать другую жизнь, свободную, вольную, без тяжелого хомута долга перед семьей. Казалось, что если я не успею узнать, а сразу упаду весь в уплату долга, то жизнь станет глупой шуткой, не имеющей никакого смысла.

До глубокой ночи я учил Черноушка, снова и снова поражаясь толковости коня, который быстро научился ложиться по команде. Закончив, я уже собирался идти к костру, когда за мной пришла средняя сестра.

– Ты чего тут с конями возишься? – зябко кутаясь в накидку, позвала Рада. – Идем, ужинают все уже, а потом мать будет рассказывать, что в будущем увидела. Но уже видно, что нехорошее... Хмурная она, недовольная.

– Иду, – вздохнул я.

Мать во хмури была хуже теперь уже точно приближающейся грозы. Над лесом, ограждающего деревню от остального мира, вспыхивало небо в густых, медленно плывущих к деревне тучах.

– Мать на тебя гневается, – тихо предупредила Рада, не глядя на меня.

Я с удивлением посмотрел на некрасивую сестру. Рада морщила высокий лоб с густыми бровями и щурила маленькие, утопающие в веках глазки. Тонкие губы всегда кривились в неудовольствии. Так она отталкивала людей, потому что ее улыбка поначалу пугала, а потом вызывала смех. Сестра перестала смеяться, всегда ходила в глубоком капюшоне, который прикрывал тенью ее лицо, но не скрывал ее краси-

вый грудной голос. Им она могла сводить с ума, если бы хотела. Но она не хотела, предпочитая скрываться в спасительной полутени капюшона накидки. Открывалась она только в кругу семьи, чувствуя в ней любовь и принятие. Только с родными она могла быть честна. Мать несколько раз уговаривала Раду помочь дочери создать облик женщины рока, считая, что свои окутывающим голосом Рада может повелевать целыми государствами. Но Рада всегда отказывалась. При всей своей хмурости, которую она сделала своей подругой, Рада сохранила добро в сердце, стараясь принять тот путь, который ей предложила судьба. И материнские карты говорили то же самое, что Рада всегда будет совестью табора. Мудрая, рассудительная, своим проникающим до сердца голосом Рада будет наставлять заблудших на верный путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.